

Н. В. Переяслов

КРАСНЫЙ ЛОРД

Невероятная судьба
революционера,
замнаркома, флотоводца,
редактора, писателя,
дипломата
и невозвращенца
Фёдора Фёдоровича
Раскольников

(Материалы к жизнеописанию)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

**Николай Владимирович Переяслов
Красный лорд. Невероятная
судьба революционера,
замнаркома, флотоводца,
редактора, писателя, дипломата
и невозвращенца Фёдора
Фёдоровича Раскольникова**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43676875

*Красный лорд: Невероятная судьба революционера, замнаркома,
флотоводца, редактора, писателя, дипломата и невозвращенца
Фёдора Фёдоровича Раскольникова (Материалы к жизнеописанию) / Н.*

В. Переяслов: Прометей; Москва; 2019

ISBN 978-5-907166-47-9

Аннотация

Фигура Фёдора Раскольникова в истории русской революции является далеко не случайной – со школьной скамьи он боролся против царского режима и затем вместе с Лениным, Троцким, Молотовым и другими известными революционерами сражался за установление советской власти. Был секретарём газеты

«Правда», заместителем председателя Кронштадтского Совета, замнаркома по морским делам, командующим Каспийской и Балтийской флотилиями, членом Реввоенсовета, редактором журналов «Молодая гвардия», «Красная новь» и издательства «Московский рабочий», полпредом СССР в Афганистане, Эстонии, Дании и Болгарии, журналистом и писателем. Был женат на знаменитой революционерке и поэтессе Ларисе Рейснер, бывшей любовницей Гумилёва и Троцкого; встречался с Есениным, Буниным, Северяниным и Пильняком, враждовал с Булгаковым. А в 1939 году был объявлен «врагом народа» и заочно приговорён к расстрелу. В зарубежной печати он опубликовал «Открытое письмо Сталину», разоблачавшее Иосифа Виссарионовича как кровавого диктатора. В том же году Раскольников погиб при таинственных обстоятельствах в Ницце, где его, похоже, выбросили из окна агенты Бери...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

От автора	8
Глава первая	11
Глава вторая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	78

**Николай Перемыслов
Красный лорд:
Невероятная судьба
революционера,
замнаркома,
флотоводца, редактора,
писателя, дипломата
и невозвращенца
Фёдора Фёдоровича**

**Раскольников (Материалы
к жизнеописанию)**

Фёдор Фёдорович Раскольников

Выражаю свою искреннюю благодарность Михаилу Кожемякину, Елене Раскиной, Галине Пржиборовской, Владимиру Савченко, Борису Сопельняку, Николаю Кузьмину, Владимиру Шигину, Алексею Коробейникову, Льву Израилевичу, Михаилу Елизарову и всем тем, чьи материалы о невероятной, горькой, легендарной и полной ошибок судьбе Фёдора Фёдоровича Раскольниковы помогли мне в работе над этой потрясающей книгой. Жизнь человека, судьба которого легла в основу этого исследования, достойна яркого авантюрного романа. В ней было всё: и мятежи, и погони, и тюрьмы, и взлёты на высочайшие военные посты, на любовные и политические авантюры. Книга не отпускает и кружит голову читателю фантастическими событиями, но она также и предостерегает – нельзя копировать чужую судьбу, не повторяйте чужих заблуждений. Чужие судьбы порой кажутся похожими на захватывающие приключения, их жизни напоминают невероятное кино, но проживать каждый из нас должен всё-таки жизнь свою собственную...

Н. Переяслов

От автора

Имя затерянного в лабиринтах российской истории революционера, воина, писателя и дипломата Фёдора Фёдоровича Раскольникова выплыло из глубин многолетнего забвения, благодаря публикации статьи о его удивительной судьбе, написанной доктором исторических наук В.Д. Поликарповым и напечатанной в июньском номере общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонёк» за 1987 год. Вместе с рассказом о бурных событиях жизни этого невероятно энергичного политика и литератора были опубликованные почти никому до этого не известные две его политические работы – «Как меня сделали “врагом народа”» и «Открытое письмо Сталину», показывающие, что в 1930-е годы в Советском Союзе были политические силы, способные выступить против воцаряющегося в стране режима жестокого сталинского культа и сопровождающих его тяжёлых репрессий. Беглая информация об этих письмах впервые была озвучена в декабре 1963 года после решения пленума Верховного суда СССР, отменившего постановление 1939 года по «делу» Раскольникова «за отсутствием в его действиях состава преступления» и восстановившего его в рядах Коммунистической партии, которой он безоговорочно отдал 30 лет своей жизни, активно участвуя в построении в стране социализма. Полностью же советским читателям ос-

новные положения «Открытого письма Сталину» впервые стали известны только из упомянутой выше статьи Поликарпова «Фёдор Раскольников», и только потом уже появилось несколько её публикаций в периодической печати.

История судьбы Фёдора Фёдоровича Раскольникова отмечена очень глубокой жизненной двойственностью: для одной части нашего народа он – истинный герой Октябрьской революции и Гражданской войны, подлинный революционер и коммунист, который до корней волос, всю свою жизнь отдал исполнению воли партии; а для другой части он – откровенный предатель и перебежчик, постыдный невозвращенец и изменник, оставивший в 1938 году свой дипломатический пост и не вернувшийся по зову партии на свою Родину.

Такой необычайно яркой судьбой, как у Фёдора Раскольникова, не могли бы похвастать, пожалуй, ни один из его революционных соратников – ни Молотов, ни Калинин, ни Каганович, ни Орджоникидзе, ни Троцкий и никто-либо другой из его окружения. Даже сам Иосиф Виссарионович Сталин выглядит на фоне деятельности Раскольникова весьма бледновато. А ведь, помимо революционной, боевой и политической работы, Фёдор Фёдорович в течение нескольких лет был секретарём знаменитой газеты «Правда», заместителем председателя Кронштадтского Совета военных депутатов, замнаркома по морским делам, командующим Каспийской и Балтийской флотилиями, членом Реввоенсовета Республики, ответственным редактором ряда литератур-

но-политических журналов и издательств, а также активным журналистом и писателем, выпустившим несколько публицистических книг и пьес, в последние годы работавшим полпредом Советской России в Афганистане, дипломатом в Эстонии, Дании и Болгарии. Он был правой рукой Ленина и Троцкого, хорошо знал Сталина, был знаком с Буниным и Горьким, Пильняком и Есениным, Молотовым и Коллонтай, Каменевым и Зиновьевым, Дыбенко и Луначарским, а также с множеством других русских и иностранных писателей, политиков, дипломатов, военных, актёров, музыкантов, художников и поэтов. Его биография могла бы лечь в основу не одного головокружительного романа, представив его в роли как революционного героя, так и отчаянного авантюриста и проходимца, потому что в его судьбе хватает признаков и того, и другого, не считая терзающих душу эпизодов яркой человеческой любви. Оценивать его участие в истории нашей страны будут, наверное, гораздо наши более бесстрастные, чем мы, потомки, но познакомиться с его фантастической жизнью будет не лишним уже и нам сегодняшним...

Глава первая

Кратчайшая линия от февраля к октябрю

Фёдор Фёдорович Раскольников, имевший по матери фамилию Ильин, родился 28 января 1892 года (по новому стилю – 9 февраля) в Санкт-Петербурге, в не совсем «законной» семье, которая состояла только в гражданском браке. Дело в том, что мать его, Антонина Васильевна Ильина, была дочерью генерал-майора, а его отец – Фёдор Александрович Петров – был протодиаконом Сергиевского всей артиллерии собора, который, будучи церковным служителем, состоял до этого в церковном браке, а потому после смерти своей первой жены не имел права венчаться вторично. Но поскольку своей любви к Антонине сдержать он не мог, то создал свою новую семью «подпольно», не получив на это благословения Церкви. Родившиеся от него Фёдор и его младший брат Александр официально считались *внебрачными детьми*, живя с клеймом «незаконнорождённых», из-за чего они вынуждены были начинать свои жизни с острыми чувствами обиды на судьбу. Они спокойно могли бы вписаться в столичную элиту, но, боясь увольнения со своей должности, протодьякон Фёдор Петров навещал свою семью только тайком, его невенчанной супруге пришлось целыми днями работать

в лавке, а обоих своих сыновей она была вынуждена отдать в городской приют.

Вот «Автобиография» самого Фёдора Раскольниковова, собственноручно написанная им в 1913 году:

«Я, Фёдор Фёдорович Ильин, родился в 1892 году, 28 января, в г. С.-Петербурге, на Большой Охте, на Мироновой улице. Я – внебрачный сын протодиакона Сергиевского всей артиллерии собора и дочери генерал-майора, продавщицы винной лавки, Антонины Васильевны Ильиной. Узами церковного брака мои родители не были соединены потому, что отец, как вдовый священнослужитель, не имел права венчаться вторично. Оба были люди весьма религиозные и все 19 лет совместной жизни прожили крайне дружно. Отец родился в 1846 году в селе Кейкино Ямбургского уезда Петербургской губернии, а мать является уроженкой С.-Петербурга, дата её рождения – 3 июня 1865 года. Отец скончался 12 апреля 1907 года; он покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе бритвой сонную артерию. Причиною смерти послужила боязнь обыска и опасение судебного привлечения и широкой публичной огласки компрометирующего свойства вследствие подачи его прислугою жалобы в СПб окружной суд об её изнасиловании отцом. По признанию отца и лиц, его окружавших, жалоба была неосновательна. Защитником был приглашён присяжный поверенный Николай Платонович Карабчевский и его помощник – помощник присяжного поверенного Атабеков. По мнению адвокатов, исход де-

ла был безнадёжен для предъявительницы обвинения вследствие полного отсутствия улик и очевидцев-свидетелей. Но отец не дождался судебного разбирательства и на 62-м году порвал счёты с жизнью. По свидетельству всех знавших покойного, он обладал мягким характером и выдающимся голосом. Мать жива и в настоящее время; она служит продавщицей казённой винной лавки № 148, помещающейся на Выборгской стороне, в финском переулке, в доме № 3. Оклад её содержания – 750 рублей в год; кроме того, она пользуется казённой квартирой в 3 комнаты, имея готовое освещение и отопление.

Формально я крещён по обряду православного вероисповедания, но фактически уже около 10 лет являюсь безусловным и решительным атеистом. Разумеется, никогда не говею и никогда не бываю в церкви. Что касается истории рода, то хотя и интересуюсь генеалогией своего родословного древа, но деятельностью предков никогда не кичусь, помня золотые слова Сумарокова (или Хераскова): «Кто родом хвалится – тот хвалится чужим». Предпочитаю направлять свою личную и общественную деятельность таким образом, чтобы она сама и её результаты, а не доблестные деяния родоначальников, служили предметом счастливого самоудовлетворения и упоительной гордости. Со стороны отца предки ничем не прославились, так как свыше 200 лет священнослужительствовали в Петропавловской церкви села Кейкино Ямбургского уезда Петербургской губернии. Помимо

отца, мой дед Александр Фёдорович и мой дядя Николай Александрович Петровы также покончили жизнь самоубийством, как передают, из-за женщин. Предшественники отца, как рассказывают, происходят из рода дворян Тимирязевых, впоследствии получили фамилию Осторожных и лишь в сравнительно недавнее время были переименованы в Петровых, по имени одного из святых, которым посвящён Кейкинский храм. Мой род с материнской стороны, фамилию которого я ношу, более знаменит в истории России. По женской линии наш род ведёт своё происхождение от князя Дмитрия Андреевича Галичского. В XV и XVI столетиях мои предки занимали придворные должности и служили стольниками, чашниками, постельничими и т. п. Мой прапрадед, Дмитрий Сергеевич Ильин, отличился в царствование Екатерины II, во время Чесменского сражения 1770 года, тем, что геройски потопил несколько турецких судов. В честь его был назван минный крейсер береговой обороны Балтийского флота «Лейтенант Ильин», который в настоящее время относится к разряду судов устаревшего типа и передан в распоряжение Морского училища дальнего плавания императора Петра I. Мой прадед, Михаил Васильевич Ильин, был подполковник морской артиллерии, оставивший после себя несколько научных специальных исследований, о которых упоминается в критико-биографическом словаре русских писателей и учёных, в энциклопедическом словаре и во многих других изданиях. Скончался М.В. Ильин в 1849

году. Мой дед, отец матери, Василий Михайлович Ильин, артиллерийский генерал-майор, был преподавателем Михайловского артиллерийского училища и умер в 1885 году.

Кроме меня, у моей матери есть ещё один сын, Александр, родившийся 16 ноября 1894 года. Привлечённый по делу организации учащихся в средних учебных заведениях (т. н. «процесс витмеровцев»), он в 1912 году был исключён из VIII класса Введенской гимназии без права поступления. В настоящее время он является стипендиатом московского миллионера Николая Александровича Шахова, живёт за границей и состоит студентом Женевского университета...»

В 1900 году восьмилетнего фёдю Ильина, выраставшего формально без отца, матери удалось устроить в приют принца П.Г. Ольденбургского (на углу Дровяной улицы и 7-й Красноармейской), где обучение шло по программе реального училища.

Здесь он провёл восемь лет жизни, бывая дома только по субботам, зато окончил курс с наградой. «В этом кошмарном училище, где ещё не перевелись бурсацкие нравы, где за плохие успехи учеников ставили перед всем классом на колени, а училищный поп Лисицын публично драл за уши», — вспоминал он впоследствии эти годы учёбы.

Тем не менее, училище дало ему бесплатное образование и открыло дорогу в Политехнический институт, который Фёдор окончил в 1913 году по экономическому отделению. А в сентябре того же года он стал слушателем Императорского

Археологического института. И кроме того, занимался любимой им библиографией у профессора С. Венгерова. А ещё в том же 1913 году он работал статистом в театрах Александрийском, Михайловском и Комиссаржевской.

В стенах окружающего его Ольденбургского училища в Фёдоре впервые проснулся дух протеста и неповиновения, и здесь он сделал первые свои шаги на пути реального сопротивления существующим порядкам – он дважды участвовал в ученических забастовках, за что едва не был исключён из училища.

«Политические переживания во время революции 1905 года, – писал он, – и острое сознание социальной несправедливости стихийно влекли меня к социализму. Эти настроения тем более находили во мне горячий сочувственный отклик, что материальные условия жизни нашей семьи были довольно тяжёлыми».

И ещё один примечательный момент из жизни молодого Фёдора. Хотя его родители были глубоко религиозными людьми, он под влиянием прочитанных им книг, к которым пристрастился ещё во время своей учёбы в училище, самостоятельно пришёл к атеизму.

В 1907 году его отец, как говорят, был несправедливо обвинён в изнасиловании служанки, из-за чего наложил на себя руки. (Вспомним отмеченных в автобиографии будущего героя революции его деда и дядю, которые в своё время тоже *покончили с собой из-за их сексуальных связей с женщи-*

нами!..) От сопутствовавших Фёдору «свинцовых мерзостей жизни» он уходил с головой в книги, отождествляя себя с их яркими героями, чувствующими себя жертвами несправедливости.

В 1909 году семнадцатилетний Фёдор поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского Политехнического института, а уже в декабре 1910 года он становится членом партии РСДРП, куда его привлёк будущий известный государственный деятель Вячеслав Михайлович Молотов, который уже в то время вёл активную работу в большевистской фракции Политехнического института, где сразу же включился в революционное движение и сам Фёдор.

Одновременно с изучением дисциплин официального курса Политехнического института Фёдор Фёдорович постигал уже начавшуюся распространяться в то время по России марксистскую литературу – он читал труды Плеханова, штудировал, насколько это возможно, «Капитал» Маркса и другие революционные книги.

Вступив в большевистскую партию, Фёдор Раскольников хочет сеять миру доброе, нужное слово: его активность в партии проявляется в редакциях «Звезды» и «Правды».

Весной 1911 года он начал свою литературную работу в большевистской газете «Звезда», где сотрудничал до 1914 года. Впервые появившись в редакции, он заявил, что «полностью солидарен с направлением газеты и отдаёт себя в распоряжение редакционной коллегии». Дежурный редак-

тор «Звезды» и «Правды» Константин Степанович Еремеев отнёсся к желанию студента с пониманием и предложил начать с нескольких строк в разделе хроники. Начинаящий журналист был немного обескуражен, но, познакомившись поближе с Еремеевым (которого все сотрудники называли «дядей Костей»), нашёл в его лице себе прекрасного учителя, начавшего делать из него профессионального журналиста. Но и сам Фёдор оказался тоже весьма способным учеником – начав с простой хроникёрской информации, он довольно быстро перешёл к расширенным заметкам и большим глубоким статьям, а для подписания своих газетных материалов выбрал себе красивую фамилию – «Раскольников».

По некоторым воспоминаниям, этот псевдоним у него возник будто бы из клички, которой наделили его однокашники к моменту окончания училища при приюте принца Ольденбургского – за длинные волосы и широкополую шляпу, что, по их мнению, придавало ему сходство с известным героем романа ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» – Родионом Раскольниковым. Бунтарский и мятежный характер этого персонажа соответствовал Фёдору Ильину – он был настоящим романтиком революции. Причём, настолько фанатичным, что в училище даже возник вопрос о проверке его психического состояния: Фёдор Фёдорович периодически вёл себя отчасти неадекватно.

Так это было или иначе, сегодня уже со стопроцентностью не выяснить, но с дней его сотрудничества с газетами «Звез-

да» и «Правда», а также журналом «Просвещение», в котором стали появляться его статьи, псевдоним Фёдора – Раскольников – начал решительно вытеснять со страниц этих изданий его подлинную фамилию – Ильин.

(Мало кто знает, но в начале своей революционной карьеры будущий Раскольников придумал себе совсем иную кличку – Немо, в честь знаменитого жюльверновского капитана. Но вскоре понял, что с кличкой он ошибся. Матросы и солдаты слыхом ничего не слыхивали о таком литературном герое-борце за свободу Индии от английских поработителей, гениальном изобретателе и первом великом моряке-подводнике – именно так был подан образ капитана Немо знаменитым писателем Жюль Верном в его чудесном романе «80 тысяч лье под водой», да к тому же само имя «Немо» ассоциировалось у окружающих с понятием «немой». Более неудачного прозвища для начинающего оратора и трибуна придумать было нельзя. Поэтому неперспективный Ильин-Нёмо вскоре исчез, зато появился многозначительный Ильин-Раскольников).

С 5 мая 1912 года «Правда» начала выходить под руководством Владимира Ильича Ленина. Став с этого времени газетой ежедневной, она потребовала от сотрудников редакции более высоких нагрузок, и одним из первых это почувствовал Фёдор Раскольников, которому вскоре предложили стать её штатным секретарём. Понятно, что вместе с этой должностью у него появились и новые обязанности – надо

было принимать посетителей, отвечать на многочисленные письма и, конечно же, надо было и самому ему всё время писать большие серьёзные статьи.

Однако секретарём ему довелось пробывать в «Правде» совсем недолго – ровно через месяц после выхода первого номера газеты Фёдор за свои острые статьи был арестован. Как писал в девятьсот семидесятые годы в своём очерке «Фёдор Раскольников» известный писатель Варлам Тихонович Шаламов: «Он отсидел три месяца в Доме предварительного заключения и был приговорён к трём годам ссылки в Архангельскую губернию. Ссылка по ходатайству матери была заменена высылкой за границу, и Раскольников собрался в Париж на улицу Мари Роз, чтобы познакомиться с Лениным. Но Ленин уехал оттуда в Австрию, а Раскольников решил всё-таки отправиться в Париж. Он знал французский язык, готовился встретиться с большой эмиграцией. Но Раскольникова арестовали на границе. Его подвела молодость, а скорее по-современному собственные гены остросюжетного характера. У него нашли план Парижа с красными крестиками, эти крестики ему поставил К. С. Еремеев в редакции «Правды».

Братья

Это были адреса знакомых ссыльных в Париже, не больше. Разобрались, в чём дело, и Раскольников был освобождён.

Но быстро не быстро, а пять дней на эти справки ушло. А там началась пока ещё не война, а преддверье войны в удвоенной бдительности. Фёдора вернули в Вержболово, и он не повидал тогда Париж...»

Но зато хорошо с заграницей познакомился младший брат Фёдора Фёдоровича —

Александр Фёдорович Ильин-Женевский, исключённый за революционную деятельность из гимназии без права поступления в высшие учебные заведения в пределах Российской империи, а потому вынужденный был выехать за границу. Там он и взял себе (по месту его учёбы в институте) добавочную приставку к фамилии — Женевский...

А ввиду отмечавшегося трёхсотлетия дома Романовых, Фёдора Раскольникову вскоре амнистировали, и он опять вернулся в свою родную редакцию.

«20 февраля 1913 года я проводила младшего сына, — писала его мать Антонина Васильевна, — и осталась дома совершенно одна. Но этот же февраль скоро принёс мне и радость: старший сын, всё ещё находившийся на излечении, подпал под амнистию 21 февраля 1913 года и в конце апреля был возвращён домой... Мы немедленно выехали на дачу в Пискарёвку... Значительно оправившись после болезни, старший сын с этого же времени снова возобновляет свою работу в “Правде”.

Весь 1913 год прошёл почти безмятежно, если бы не отсутствие младшего сына...»

А младший сын тем временем поступил студентом факультета общественных наук в Женеве и летом 1913 года во время вакаций совершил путешествие на велосипеде чуть ли

не по всей Европе, проехав по Швейцарии, Италии и Франции. При этом во время своей поездки по Италии он заезжал на Капри и побывал в гостях у Максима Горького...

Всё активнее втягиваясь в редакционную работу, Фёдор уже не мыслил своего существования вне газеты, хотя институт был благополучно закончен и ему представлялась возможность идти по инженерной стезе. Для дальнейшего продолжения учёбы он записался было в состав слушателей Археологического института, но на деле всё больше отдавал себя журналистике. Нет сомнения в том, что в этот период на него оказали огромное влияние работавшие в «Правде» газетчик Константин Еремеев, которого Раскольников называл своим «крестным отцом» в партийно-литературной деятельности, а также публицисты М.С. Ольминский, М.И. Ульянова, И. И. Скворцов-Степанов, М.А. Савельев и другие партийные литераторы.

«Моё участие в газете, – вспоминал позже Раскольников, – усилилось весной 1914 года, со времени приезда из-за границы Л. Б. Каменева. К этому времени стали появляться мои большие статьи, написанные по заказу редакции и обычно пускавшиеся фельетонами в подвальном этаже газеты...»

С этого времени Раскольников в «Правде» присутствует почти ежедневно. Он много пишет, ездит по заводам, беседует с рабочими. В газете часто появляются его статьи и фельетоны. Несколько реже он посещает журнал «Просве-

щение», где также печатаются его статьи. Казалось бы, жизненная линия Фёдора вполне чётко определилась, и теперь, пройдя столь основательную партийную, политическую и газетную школу, можно будет полностью отдать себя литературной работе. И, наверное, так бы оно и было, если бы не начавшаяся вдруг в то время мировая война. Она снова круто переломила судьбу Фёдора Раскольниковова...

* * *

В 1915 году, в соответствии с рекомендациями партийной линии, Фёдор Фёдорович уклонился от первой мировой войны,

записавшись в открытую школу гардемарин, хотя ему в то время было уже 23 года, и он был одним из самых старших среди курсантов. Россия выполняла тогда программу воссоздания сильного флота, намеченную ещё в канун войны. Для вступающих в строй кораблей нужны были офицерские кадры в таком количестве, которое никак не мог обеспечить привилегированный Морской корпус, куда раньше по традиции принимались только представители дворянского сословия. Срочным образом были созданы Отдельные гардемаринские классы, в которые начали зачислять и подлежащих призыву выпускников гимназий, реальных училищ и студентов. Раскольников уже имел тогда высшее политехническое образование, но, поскольку он продолжал проходить

курс обучения в Археологическом институте, то его причислили к студентам и определили в Отдельные гардемаринские классы. В отличие от Морского корпуса, учащиеся гардемаринских курсов носили не белые, а чёрные погоны, за что их в морской офицерской среде называли «чёрными гардемаринами», не без намёка на «чёрную кость». Однако курс обучения в классах был хотя и сокращённым по времени, но весьма глубоким, а главное, здесь отводилось гораздо больше времени учебным плаваниям, причём не в тесных рамках финского залива, а на просторах Тихого океана. Раскольников дважды был в таких учебных плаваниях – на крейсере «Орёл» он прошёл тысячи миль от Камчатки до берегов Индии, побывал в Японии и Корее, проведя таким образом в плаваниях полтора года.

Фёдор-матрос

Февральские события застали недоучившегося мичмана врасплох, как и саму царскую власть, которая до последнего момента была уверена в том, что народ великой империи остаётся ей вечно преданным. Для Фёдора, скучавшего в гардемаринских классах, грянувшая революция стала самым настоящим праздником. «Сегодня женский день, — промелькнуло у меня в голове утром 23 февраля. — Будет ли сегодня что-нибудь на улице?.. Как оказалось, «женскому дню» суждено было стать первым днём революции. Женщины-работницы, выведенные из себя тяжёлыми условиями жизни, первые вышли на улицу, требуя “хлеба, свободы, мира”», — писал Фёдор Раскольников 8 марта 1917 года.

К началу вызревающей в России революции в семье Ильиных произошло несколько серьёзных событий, определивших во многом их дальнейшую судьбу, и мать Фёдора Фёдоровича — Антонина Васильевна — об этом времени так писала:

«...В начале февраля 1917 года департамент полиции, неуклонно следивший за старшим сыном, прислал директору Гардемаринских классов уведомление, чтобы кончающий классы старший гардемарин Ф.Ф. Ильин не был допущен в действующий флот, а зачислен в чиновники по Адмиралтейству.

Ввиду выдающихся способностей, а также хорошего поведения моего сына, педагогическим советом такое предложение было отклонено, и директор сам – лично – вызвался ехать на объяснения с морским министром.

Но случилась февральская революция, перемешавшая все карты и переменившая все обстоятельства...»

В своей книге «Кронштадт и Питер в 1917 году» Фёдор Раскольников так описывал последние дни этого революционного февраля месяца:

«...На следующее утро к зданию гардемаринских классов подошла несметная, многотысячная толпа, среди которой больше всего пестрели солдатские шинели цвета хаки.... Навстречу явившимся на подъезд вышел начальник Отдельных гардемаринских классов – Фролов. Толпа заявила, что она требует немедленного роспуска всех гардемарин по домам и безоговорочной выдачи огнестрельного и холодного оружия.

«Господа, это невозможно, – попробовал возражать Фролов. – У нас сейчас экзамены, гардемарины экзамены держат». – «Какие тут экзамены? – громко воскликнул кто-то из толпы. – Сейчас вся Россия экзамен держит!» Такие меткие, необыкновенно удачные выражения, вырывающиеся из самой гущи толпы и неизвестно кому принадлежащие, нередко свойственны историческим, революционным моментам.

Представители толпы тем временем храбро вошли в ротное помещение, беспрепятственно захватили винтовки и по-

требовали ключи от цейхгауза. Мичман Ежов, заведующий цейхгаузом, по обыкновению пьяный, самолично проводил их туда. В общем, всё прошло чинно и мирно в отличие от морского корпуса, где черносотенно настроенные гардемарины под руководством князя Барятинского оказали вооружённое сопротивление, забаррикадировав ходы и выходы здания и открыв стрельбу с верхних этажей.

С радостным чувством покидал я затхлые казармы, чтобы присоединиться к восставшему народу...»

Таврический дворец встретил Раскольников митингами и речами. Он зарегистрировался в военной комиссии Петроградского Совета, получив удостоверение на право ношения оружия, потом присутствовал на первых легальных заседаниях Петроградского комитета большевиков, которые проходили тогда в здании Биржи труда. Здесь впервые он встретился с Михаилом Ивановичем Калининым, и тот поручил ему право провести предвыборное собрание в пулемётном полку.

Когда с 5 марта 1917 года начала выходить возрождённая «Правда», Раскольников поспешил в редакцию, где встретил его старый наставник Еремеев, тут же рассказавший, какие материалы нужны в данный момент в газету. И снова на страницах газеты стали появляться одна за другой статьи знакомого читателям Фёдора Раскольникова. Он уже подумывал о том, чтобы переключиться целиком на работу в центральном

партийном органе, но вскоре получил партийное поручение: ехать в Кронштадт и возглавить там только что созданную большевистскую газету «Голос правды». Вспоминая позже об этом назначении, он в своей книге «Кронштадт и Питер в 1917 году» писал следующее:

«Однажды я застал в редакционной комнате товарищей Еремеева и Молотова. «Не хотите ли поехать для работы в Кронштадт?» – встретили они меня вопросом. «Здесь недавно были кронштадтцы, – пояснил тов. Молотов, – они просят дать им хоть одного литератора для редактирования местного партийного органа «Голос правды». В частности, называли вашу фамилию». Я ответил полным согласием. «Но только если ехать, то нужно немедленно, – прибавил тов. Еремеев, – они очень просили, так как находятся в затруднительном положении. Влияние нашей партии в Кронштадте растёт, а закреплять его некому, так как газета не может быть как следует поставлена из-за отсутствия литературных сил».

17 марта я уже ехал по Балтийской дороге в Ораниенбаум. Поезд был переполнен офицерами, в бурные дни бежавшими из Кронштадта и теперь постепенно возвращавшимися к своим частям. Их разговор вращался вокруг недавних кронштадтских убийств. По их словам, выходило так, что гнев толпы обрушился на совершенно неповинных лиц. Главная вина за эти стихийные расправы над офицерами возлагалась, разумеется, на матросов. Наряду с непримиримым озлоблением офицеры проявляли шкурный страх за ожидающую их

судьбу. «Да, не хочется умирать, – сформулировал их общие мысли один молодой поручик, – любопытно бы посмотреть на новую Россию».

Кстати, об этих убийствах. Буржуазные газеты с бешеным ожесточением приписывали расстрелы кронштадтских офицеров нашей партии, в частности, возлагали ответственность на меня. Но я приехал в Кронштадт уже после того, как закончилась полоса стихийных расправ. Что касается нашей партии, то она, едва лишь овладев кронштадтскими массами, немедленно повела энергичную борьбу с самосудами.

Расстрелы офицеров, происходившие в первых числах марта, носили абсолютно стихийный характер, и к ним наша партия ни с какой стороны не причастна.

Но когда впоследствии, находясь в Кронштадте, я пытался выяснить происхождение и природу этих так называемых «эксцессов», вызвавших всеобщее возмущение буржуазии наряду с полным равнодушием рабочего класса, то я пришёл к определённом выводу, что эти расстрелы совершенно не вылились в форму «погрома» и поголовного истребления офицерства, как пыталась изобразить дело буржуазия. Матросы, солдаты и рабочие Кронштадта, вырвавшись на простор, мстили за свои вековые унижения и обиды. Но достойно удивления, что это никем не руководимое движение с поразительной меткостью наносило свои удары. От стихийного гнева толпы пострадали только те офицеры, которые прославились наиболее зверским и несправедливым обращением с

подчинёнными им матросско-солдатскими массами...

В первый же день революции был убит адмирал Вирен, стяжавший себе во всём флоте репутацию человека-зверя... Вся его система была построена на суровых репрессиях и на издевательствах над человеческой личностью солдата и матроса. Неудивительно, что всеобщая ненависть, которую он посеял, прорвалась при первом же удобном случае.

Не менее грубым и бесчеловечным начальником слыл во всём Кронштадте и даже далеко за его пределами командир 1-го Балтийского флотского экипажа полковник Стронский. На Вирена и Стронского в первую голову и обрушился гнев революционной толпы. Их участь разделили приспешники этих старорежимных сатрапов, которые, подлаживаясь к господствовавшему курсу, осуществляли политику палки и кнута. Справедливые и гуманные начальники оказались не только пощажены, но в знак особенного доверия были избраны даже на высшие командные посты...»

По официальным сведениям, как сообщил Раскольников, всего было убито 36 морских и сухопутных офицеров. Другие были арестованы и отправлены в следственную тюрьму. В эту категорию вошли те офицеры, которые были известны своим не в меру суровым отношением к команде или были замечены в недобросовестном отношении к казённым деньгам.

Весь день 1 марта по улицам ходили процессии, весь день производились аресты сторонников старого режима. А

с 15 марта стала выходить ежедневная большевистская газета «Голос правды».

Дело выпуска газеты для Раскольниково было давно знакомым, и он с удовольствием отдался ему, в короткий срок создав чрезвычайно популярное издание, пользовавшееся неизменным спросом не только в Кронштадте, но и Петрограде, Гельсингфорсе, Выборге, Ревеле и других близлежащих городах. Многие материалы в этой газете были написаны его рукой – и передовые, и фельетоны, и исторические статьи, и заметки из местной жизни. Матросы и солдаты с удовольствием читали их, пересказывали, рекомендовали другим. Казалось, судьба и в новых обстоятельствах предопределила ему быть профессионалом-газетчиком. Но случилось так, что как раз в Кронштадте появилось и быстро развилось то качество натуры, о котором, возможно, он и сам раньше не подозревал, – оказалось, что Раскольников умеет находить и налаживать самые тесные контакты с массами на митингах и собраниях, проходивших в ту пору чуть ли не ежедневно. При этом он почти всегда умел убедить солдат и матросов в правоте своих слов и повести их за собой. Словом, у него проявилось незаурядное ораторское дарование, а это имело в тех условиях огромное значение: кто только не пытался завладеть вниманием кронштадтцев, увлечь их своими лозунгами и призывами! Лучшие ораторы от различных партий приезжали сюда, пытаясь обратить обитате-

лей Кронштадта в свою «веру». Но – не получалось! Не помогали ни увещевания, ни угрозы. Кронштадт, вырвавшийся в дни февральской революции из оков палочной дисциплины, унижительной муштры и изошрённой системы наказаний, переживал период «митинговой демократии», и часто стихия выплёскивалась через край, не считаясь с доводами разума. В этих условиях особенно нужны были люди, чьё слово воспринималось с доверием.

И мичман Раскольников в этой ситуации пришёлся как нельзя кстати. Он знал матросский жаргон, сидел в тюрьме, побывал в ссылке, был исступлён, яростен и неистов – короче говоря, он стал самым популярным оратором и любимцем кронштадтской братвы.

Именно тогда Фёдор сыграл выпавшую на его долю немалую роль и чрезвычайно помог большевикам в сближении с кронштадтцами, так как, благодаря ему, кронштадтские матросы перешли на сторону большевиков. Раскольников, как оказалось, был не только опытным редактором газеты и агитатором, но ещё и прекрасным оратором, страстным и убеждённым, и, кроме того, замечательным организатором, – а эти два качества редко встречаются у одного и того же человека. Поэтому Фёдора и ввели в состав Кронштадтского комитета большевиков, а в Совете избрали товарищем председателя.

В один из своих приездов из Кронштадта в Питер Фёдор Раскольников зашёл к Алексею Максимовичу Горькому. Его знакомство с ним состоялось заочно ещё в 1912 году, когда он отправил ему на Капри письмо от имени Петербургского землячества студентов Петербургского политехнического института с просьбой бесплатного предоставления из книжного склада «Знание» литературы для земляческой библиотеки. Алексей Максимович тогда быстро ответил согласием, и так как момент его письма совпал с обострением студенческого движения, то он к своему письму прибавил несколько строчек политического содержания: «От души желаю бодрости духа и в трудные дни, вами ныне переживаемые. Русь не воскреснет раньше, чем мы, русские люди, не научимся отстаивать своё человеческое достоинство, не научимся бороться за право жить так, как хотим». (Это письмо Горького в числе других «преступлений» Раскольникова было инкриминировано ему жандармами ещё во время ареста летом 1912 года.)

Лично же Фёдор познакомился с Горьким только весной 1915 года в Петрограде на Волковом кладбище, где проходили похороны историка В. Я. Богучарского. Обратив внимание на его гардемаринскую шинель, Горький тогда с добродушным сарказмом заметил: «Здорово вас, правдистов, переодели». Это было как раз во время империалистической

войны.

А вскоре после февральской революции Фёдор посетил Горького у него на квартире, где проводилось очередное заседание.

«Меня провели в небольшую гостиную и попросили подождать, – описывал свою встречу с Алексеем Максимовичем Раскольников. – Дверь в соседнюю комнату была открыта, и оттуда доносились обрывки чьей-то речи...

Вскоре в комнату, где я ожидал конца достаточно нудного заседания, быстрой походкой вошёл беллетрист И. Бунин, сейчас обретающийся в бегах. Узнав, что я приехал из Кронштадта, Бунин буквально засыпал меня целой кучей обывательских вопросов: «Правда ли, что в Кронштадте анархия? Правда ли, что там творятся невообразимые ужасы? Правда ли, что матросы на улицах Кронштадта убивают каждого попавшегося офицера?» Тоном, не допускающим никаких возражений, я опроверг все эти буржуазные наветы. Бунин, сидя на оттоманке с поджатыми ногами, с огромным интересом выслушал мои спокойные объяснения и вперил в меня свои острые глаза. Офицерская форма, по-видимому, внушала ему доверие, и он не сделал никаких возражений.

Вскоре совещание в соседней комнате закончилось, и Горький в сопровождении гостей прошёл в столовую, приглашая нас за собой. Мы уселись за чайным столом.

За столом Бунин, обращаясь к Горькому, сказал ему: «А знаете, Алексей Максимыч, ведь слухи о кронштадтских

ужасах сильно преувеличены. Вот послушайте-ка, что говорят очевидцы». И я был вынужден снова повторить рассказ о кронштадтском благополучии. Максим Горький выслушал меня с большим вниманием, и хотя на его лице промелькнуло недоверчивое выражение, он открыто ничем не показал его...»

Выслушав Раскольникова, Горький сказал, улыбаясь:

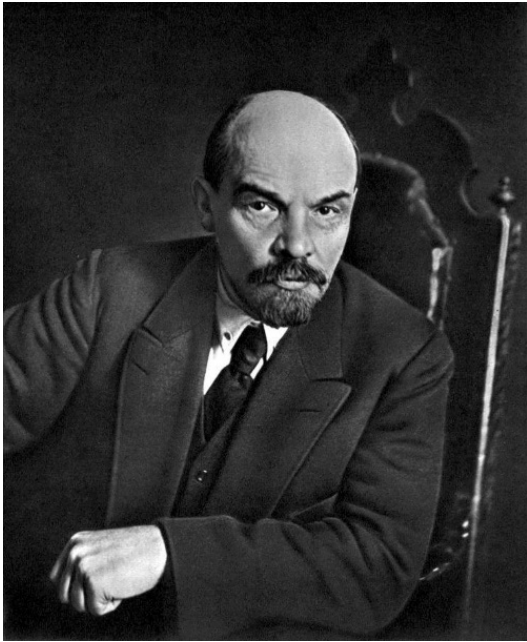
– Молодцы, моряки! Да и вы молодец! – и похлопал дружески мичмана по плечу.

* * *

16 апреля в Петроград прибыл Владимир Ильич Ленин, который был восторженно встречен трудящимися. На площади финляндского вокзала с башни броневика перед тысячами встречавших его революционных рабочих, солдат и матросов Ленин призвал партию, рабочий класс и революционную армию на борьбу за социалистическую революцию. Вот как описывал эти события в своём романе «Отступник: драма Фёдора Раскольникова» писатель Владимир Иванович Савченко:

«...Лев Борисович Каменев жил на Песках, на одной из Рождественских улиц, ближе к Таврическому саду, в квартире просторной и пустоватой. В комнатах, выходивших в прихожую, и в самой прихожей по стенам стояли голые диваны, служившие для ночёвок партийных товарищей, приез-

жавших на время в Питер, или припозднившихся питерских из заневских районов. Здесь каждую ночь толклось множество народу.

Владимир Ильич Ленин

Отсюда было недалеко до Таврического дворца, где заседал Петроградский Совет, в работу которого он немедленно включился, войдя в большевистскую фракцию. Не так далеко было и до редакции возобновлённой «Правды». Каменев

был введён в редакцию «Правды» Русским бюро ЦК вместе с его товарищем по сибирской ссылке, членом бюро ЦК — Сталиным. Эти двое, в сущности, и заправляли газетой.

Каменев с женой Ольгой Давыдовной ждали Раскольникову, были одеты, готовы ехать. Но ждали и ещё кого-то, кто должен был подойти ещё раньше, однако задерживался. Каменев нервничал, не опоздать бы на вокзал, железнодорожники обещали подать специальный поезд для петроградской делегации встречающих...

В одной из дальних комнат происходило многолюдное совещание, время от времени оттуда выскакивали возбуждённые люди, искали Каменева, перекидывались с ним двумя-тремя фразами и снова исчезали в недрах квартиры.

И. В. Сталин

Вышел в прихожую Сталин, небольшого роста сухорукий грузин, тоже о чём-то переговорил с Каменевым. Двинулся было обратно во внутренние покои, но, заметив Раскольников, приостановился, как бы подумав о чём-то, неспешно подошёл к нему. Со Сталиным знаком был Раскольников через «Правду», приходил туда к Каменеву или Молотову, с которыми связан был ещё по довоенной «Правде», доставлял им новости из Кронштадта, и всегда при их разговорах присутствовал этот молчаливый грузин. Он никогда ни о чём не спрашивал, не делал никаких замечаний, не давал указа-

ний, Фёдор тоже его ни о чём не спрашивал, ни о чём не просил, хотя знал, что он имеет вес и влияние и в редакции газеты, и в ЦК.

– Как дела в Кронштадте? – спросил Сталин.

– Не хватает активных работников, – сказал Раскольников. – Нас пятеро в партийном комитете. У каждого свои задачи – газета, партшкола, работа в Совете. Но сейчас главное – агитационная работа в частях, а на это сил недостаточно. Главный агитатор у нас Семён Рошаль, мы его освободили от других обязанностей, он каждый день объезжает корабли, казармы, мастерские, оратор он прекрасный, но он один.

– Хорошо, – помолчав, сказал Сталин. – Пожалуй, я вам товарища Смильгу направлю. Опытный товарищ, старый партиец...

Подбежал Каменев.

– Всё, больше ждать не можем. Едем! Ещё найдём ли извозчика?..

Вышли на улицу.

На Рождественской извозчиков не было. Перешли на Басейную – и тут же, за углом, увидели свободный экипаж. Уселись – и Каменев успокоился, повеселел.

На улицах было немного народу, экипаж попался удобный, лошадь хорошая, ехали ходко, к редактору «Правды» вернулось обычное его благодушное настроение, он сделался разговорчив...

– Представьте себе, они-таки проехали через Германию –

чистая авантюра! Воображаю, какой вой поднимется в кадетской печати – завтра же, когда это выяснится для публики. Истинно, нужно быть Ильичом, чтобы на такое решиться.

– Как это им удалось?

– Понятия не имею! Увидимся с ними – узнаем.

Каменев помолчал. Потом засмеялся, вспомнив что-то весёлое:

– Вы, Фёдор Фёдорович, кажется, не встречались с Ильичом?

– Нет.

– Что ж, приготовьтесь: вас ожидают сюрпризы. Ильич вас поразит. Вам, писателю, особенно полезно будет с ним познакомиться. Вы интересуетесь, насколько я могу судить по вашим очеркам о Робеспьере и Бабефе, историческими персонажами подобного типа. Чего же лучше? Ильич – уникальный объект для изучения. Его плохо знают, – Каменев опять рассмеялся. – Сказать вам, как мы встретимся? Я имею в виду себя и его. Мы старые друзья, не виделись много лет. Конечно, обнимемся. Но первыми его словами, обращёнными ко мне, будет брань. Да, зубодробительная разносная критика. Бесцеремонная и бескомпромиссная.

Откинувшись на спинку сиденья, он весело смеялся, представляя себе, должно быть, эту сцену.

– Брань – первым делом!

– Почему брань? За что? – спросил Раскольников.

– Есть за что. С его, понятно, точки зрения, – с удоволь-

ствием продолжал Каменев, смеясь. – Во-первых, за последние статьи в «Правде», в которых изложена позиция относительной поддержки Временного правительства. Это, разумеется, не может быть согласно с его позицией. Во-вторых, за то, что мы опубликовали лишь первое из его четырёх «Писем из далека», и то с купюрами, остальные отложили.

– А почему отложили?

– Разве вы их не читали? По-моему, вы их читали в конторе «Правды»? – вопросительно уставился Каменев на Раскольниковца.

– Читал.

– И что же, по-вашему, их можно было печатать? В том виде, в каком вы их читали? – Каменев с любопытством ждал ответа.

– Не знаю, – неуверенно заговорил Раскольников. – Мне показалось, что там развивается тема первого письма, не совсем, правда, понятно, куда автор клонит, к чему в конце концов придёт, но ведь обещано пятое письмо...

– Да вы смелее! Скажите прямо: ничего там не развивается. Текст напоминает бред помешанного, явно его писал человек в состоянии крайнего возбуждения, потерявший контроль над своими мыслями. В первом письме заявлено: преступно поддерживать буржуазное Временное правительство, которое не способно дать рабочим ни мира, ни хлеба, ни свободы, нужно переходить ко второму этапу революции, социалистическому. Хорошо. Кто с этим спорит? Но вопрос:

как переходить? Обещано: об этом – в следующих письмах. И вместо внятных соображений о тактике перехода – на десятках страниц брань: в адрес Чхеидзе, Керенского, Скобелева, лакействующих перед буржуазией, разоблачение мирового империализма. Всего этого было довольно и в первом письме.

– Может быть, таким образом он движется к выводам, которые в пятом письме...

– Нет у него никаких выводов! – отрезал Каменев с раздражением. – Писал он эти письма в лихорадке, в первой реакции на газетные сообщения о революции в России. Читает газеты и обнаруживает поразительный факт противостояния

Временного правительства и Совета рабочих депутатов, тут же, естественно, возникает ассоциация с Парижской коммуной, появляется соблазн через Советы скакнуть в социализм, но как это сделать в условиях сегодняшней России – неизвестно... Он – не изобретатель идей. Изобретают другие – Плехановы, Мартовы. Но выбрать из ряда чужих идей какие-то элементы, скомпоновать из них нечто, по видимости примиряющее противоречия, и затем с фанатическим упорством добиваться признания своей правоты – в этом ему нет равных. Вот приедет, переругается со всеми, и смотришь, что-то из этого образуется, слепится какая-то линия. Ленинская линия! И все мы примем её и пойдём за ним. И вы, и я, многие. Многие! А почему?

Раскольников не мог понять, говорил Каменев серьёзно

или ёрничал, и чувствовал себя неловко, но слушал с жадным вниманием, удивляясь, что так говорил об Ильиче один из ближайших его соратников.

– Потому, – продолжал Каменев, – что мы в критические минуты больше доверяем другим, чем себе, тем, кто больше нашего уверен в себе, не знает сомнений. Сомневающийся вождь – нонсенс. А Ильич – вождь. И об этом я ему сегодня же скажу. Скажу, что в его лице в Россию возвращается вождь партии, с которым мы, может быть, и дойдём до социализма, – неожиданно закончил свою странную филиппику Каменев, с довольной и вместе лукавой улыбкой посмотрев на Раскольникова, на жену, снова на Раскольникова...

Они уже подъезжали к вокзалу.

Площадь перед вокзалом по обыкновению была многолюдна, тем не менее, сразу бросились в глаза кучки людей с кумачовыми флагами и транспарантами, явно подошедшие для встречи эмигрантов представители заводов и воинских частей. Было ещё рано, и флаги и транспаранты не были развёрнуты.

...В Белоостров, пограничный пункт между Россией и Финляндией, прибыли уже в сумерках. На перроне – толпа рабочих с красными флагами и транспарантом: «Наш рабочий привет Ленину!»

Когда поезд с эмигрантами подошёл к перрону, эти рабочие обступили вагон, в котором ехал Ленин, не дали ему

сойти на землю, подхватили его и на руках пронесли в зал вокзала.

В зале было тесно, шумно, не протолкаться. Окружённый рабочими, Ленин что-то говорил им. Раскольников и Каменев, протиснувшиеся в зал, слышали отдельные слова, обрывки фраз. Но смысл речи нетрудно было уловить: пора кончать империалистическую бойню, Временному правительству – никакой поддержки, с войной удастся покончить, когда рабочие возьмут власть в свои руки, нужно продолжать революцию, – да здравствует всемирная социалистическая революция!

Раскольников и Каменев переглянулись.

– Вот и ленинская линия, – произнёс Каменев с поднятой бровью. – Ну что ж...

Ленин и другие приехавшие – Крупская, Зиновьев-Радомысльский с женой, Инесса Арманд, Сокольников-Бриллиант – прошли в комнату, где проверялись паспорта. Толпа в зале стала редеть. Члены питерской делегации продвинулись к двери, за которой скрылись приехавшие.

Вскоре Ленин вышел оттуда, с паспортом в одной руке, с шапкой в другой. Он был в расстёгнутом демисезонном пальто, сером костюме. Небольшого роста, плотный, с лысиной через всю голову, с реденькой татарской бородкой, улыбался растерянно, а глаза-щелки тревожно и цепко озирали зал, обступивших его людей. Увидев Марию Ильиничну, порывисто шагнул к ней, обнял...

Обнял, расцеловался с Коллонтай. И все приехавшие из Петрограда, старые его друзья и видевшие его впервые, протискиваясь к нему, говоря слова приветствия, обнимались с ним, целовались. Трижды расцеловался с ним расстроганный до слёз Каменев. Расцеловался и Раскольников. Он приготовил какие-то слова, но не в силах был их произнести. Отошёл в сторону, стараясь унять волнение.

Гурьбой, окружив Ленина, двинулись к его вагону. Набились в купе. Крупская с женщинами прошла в соседнее купе. Раскольников остался стоять в коридоре. Ильич, скинув пальто и шапку, бросив на столик цветы, которые ему вручила в зале Коллонтай, усевшись на диван, напротив Каменева, заговорил с ним деловито:

– Что же вы, милостивый государь, пишете в «Правде»? Мы видели несколько номеров и крепко вас ругали. О какой поддержке Временного правительства можно вести речь, когда оно окончательно определилось как реакционное, насквозь империалистическое? Никаким давлением на него не добьётесь отказа от аннексий, начала мирных переговоров. Кончить войну миром нельзя, не свергнув власти капитала... – Он умолк, заметив, что Каменев с весёлой улыбкой взглянул на Раскольникова, и сам посмотрел на Раскольникова. – Вы кто, товарищ?

– Это известный вам Раскольников Фёдор Фёдорович, – поспешил замять неловкость Каменев.

– Раскольников, – повторил Ленин, с любопытством рас-

смаатривая его. – У вас, товарищ Раскольников, если не ошибаюсь, есть брат? Только фамилия другая?

– Ильин Александр Фёдорович.

– Да, Ильин. Оригинальный молодой человек. Представьте, на велосипеде объехал францию, Швейцарию, Италию, – обернувшись ко всем, объяснил Ленин. – Прекрасный шахматист. А что ваша форма означает, товарищ Раскольников? Вы моряк?

– Да, Владимир Ильич. Мичман флота.

– Товарищ Раскольников по направлению Петербургского комитета работает в Кронштадте, – заметил кто-то из комитетчиков.

– Вот как? Интересно. Пройдите сюда, товарищ Раскольников. Садитесь. Очень приятно, – говорил Ильич, подвигаясь на диване, уступая место Раскольникову рядом с собой, пожимая ему руку. Говорил он, несколько грассируя, не выговаривая букву «р». – О Кронштадте много толков, мы ничего не знаем. За границу ни одна газета левее «Речи» не доходит. Что правда, что ложь в слухах о кронштадтских ужасах? Действительно ли там анархия, матросы на улицах убивают каждого попавшегося офицера?

– Слухи преувеличены, Владимир Ильич. Никакой анархии нет. Хотя эксцессы были, в самом начале марта. Когда матросы узнали о революционных событиях в Петрограде, они вышли на улицу, расправились с наиболее ненавистными офицерами. Такими, как военный губернатор адмирал

Вирен, контр-адмирал Бутаков, командир флотского экипажа полковник Стронский...

– Много всего жертв?

– Человек тридцать офицеров.

– Немало!

– Это в Кронштадте. По всему Балтийскому флоту – больше ста убитых. Несколько сотен арестовано, ждут революционного суда. Пострадали те, кто прославился жестоким обращением с матросами. Справедливых начальников не только не тронули, но в знак доверия некоторые даже были выбраны на высшие командные посты.

– Выбраны?

– Да. Сейчас в Кронштадте вся военная и гражданская власть в руках Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. Совет ввёл выборность командного состава. Например, начальником всех морских сил Кронштадтской базы, на адмиральскую должность, выбран старший лейтенант Ламанов.

– Замечательно! А чем вы занимаетесь?

– Я редактирую нашу партийную газету «Голос правды», в Кронштадтском Совете являюсь одним из двух товарищей председателя исполкома, от большевистской фракции. Другой товарищ председателя – эсер.

– А сам председатель?

– Беспартийный. Но в Совете, как и в кронштадтских массах, наибольшим влиянием, Владимир Ильич, пользуемся

мы, большевики.

– Это хорошо, но недостаточно. Мы должны полностью завоевать Советы. Завоевав Советы, сможем свалить буржуазное правительство. Другого пути нет, если мы хотим идти к социалистической революции, – Ленин уже говорил, обращаясь ко всем, но его перебили.

Из коридора слышались голоса:

– Рабочие просят товарища Ленина выступить... Владимир Ильич, несколько слов...

– Выступить? – переспросил Ленин. – Пускай Григорий выступит. Скажите ему... попросите товарища Зиновьева выступить! Где он?

– Я передам ему, – поспешил исполнить просьбу Раскольников, ему неудобно было сидеть, стесняя Ильича. Он вышел в коридор.

Зиновьев ораторствовал в своём купе, у него тоже сидели питерские товарищи. Когда их познакомили в зале вокзала, Зиновьев показался Раскольникову щедедушным, болезненным человеком. Теперь он его лучше рассмотрел. У Зиновьева было бледное одутловатое лицо с близко посаженными глазами, длинный нос, как бы давивший на короткую верхнюю губу, на голове шапка густых растрепанных волос. Щедедушным, однако, назвать его было нельзя, несмотря на его бледность и странную развинченность всей фигуры. Это был бодрый тридцатидвух-тридцатипятилетний парень, с резким высоким голосом. Говорил он очень быстро, размахивая ру-

ками. Выступить перед рабочими он согласился охотно. Рабочие тесной толпой стояли перед вагоном. Зиновьев с площадки заговорил о войне, о социалистической революции словами Ленина.

Раскольников вернулся в купе. Ленин рассказывал о том, как удалось организовать проезд через Германию. Помогли в этом швейцарские социалисты-интернационалисты. Они заключили письменное соглашение с германским послом в Швейцарии. По условиям соглашения, ехать могли все эмигранты без различия взглядов на войну. Вагон с эмигрантами должен был пользоваться правами экстерриториальности, никто не имел права войти в вагон без разрешения сопровождавшего его секретаря Швейцарской социал-демократической партии Платтена. Не должно было быть никакого контроля паспортов, багажа...

– Запломбированный вагон? – поднял брови Каменев.

Реплика не понравилась Ленину. Он нахмурился.

– Не накаркайте, Лев Борисович. Чего доброго, Милюковы и Суворины ухватятся за ваше словцо. Не запломбированный – закрытый соглашением для каких бы то ни было контактов эмигрантов с кем бы то ни было на территории Германии. Это условие было выполнено. Главное же условие заключалось в том, – продолжал Ленин, – что едущие обязывались агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число интернированных немцев и австрийцев.

Поезд медленно тронулся.

В Питере едущих ожидала ещё более пышная встреча. Вдоль освещённой платформы по обеим её сторонам выстроились в почётном карауле матросы и солдаты петроградских полков. Как только Ленин вышел из вагона, оркестр заиграл «встречу», матросы и солдаты взяли на караул.

Командовавший почётным караулом командир Второго флотского экипажа Максимов, молодой офицер, беспартийный, которому поручено было военной организацией Петроградского Комитета отдать рапорт именно Ленину, подошёл к нему по всей форме, стал рапортовать. Закончил он рапорт, вероятно уже от себя, выражением надежды, что товарищ Ленин войдёт во Временное правительство. Спутники Ленина заулыбались. Ленин, промолчав, двинулся по фронту почётного караула. Максимов его остановил, о чём-то тихо попросил, должно быть предложил обратиться к матросам и солдатам с речью. Ленин вернулся на несколько шагов, остановился, заговорил:

– Матросы и солдаты! Товарищи! Приветствуя вас, я ещё не знаю, верите ли вы всем обещаниям Временного правительства. Но я знаю: когда вам многое обещают – вас обманывают! Народу нужен мир, а вам дают войну, нужен хлеб, нужна земля, а на земле оставляют помещика. Товарищи, нам нужно бороться за революцию до полной победы пролетариата! Тогда

будет мир, будет земля, будет хлеб. Да здравствует соци-

алистическая революция!

И он быстро пошёл вперёд, к вокзалу. Максимов шёл за ним следом, стараясь не отставать и всё-таки отставая; вид у него был обескураженный.

В ярко освещённых парадных комнатах финляндского вокзала приезжих встречали представители исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов меньшевики Чхеидзе и Суханов-Гиммер. Чхеидзе, председатель исполкома, тучный, неповоротливый, упорно уводя большие немигающие глаза от группы большевиков, обращаясь к бундовцам, приветствовал возвратившихся на родину от имени Петроградского Совета, пожелал успеха в деятельности, направленной на благо народа. Ему ответил Ленин. Поблагодарил за встречу и заявил, что благом для народа он и большинство приехавших товарищей считают деятельность, направленную на осуществление социалистической революции. Не обращая более внимания на Чхеидзе, Ленин двинулся дальше, к выходу.

Вышли на подъезд вокзала. Площадь и прилегающие улицы были заполнены народом. В толпе преобладали военные. Шеренгой стояли броневики с включенными фарами, лучи выхватывали из темноты красные флаги, возбуждённые лица людей. У подъезда ожидала Ленина легковая машина, но солдаты не дали ему сесть в машину, потребовали, чтобы он поднялся на броневик, сказал речь.

И снова Ленин, обращаясь к толпе, говорил о том,

что нельзя доверять обещаниям Временного правительства, нужно продолжать революцию до полной победы пролетариата, до победы социалистической революции.

Колонна броневи́ков, с Лениным в люке одного из них, медленно двинулась к Сампсониевскому мосту, на Петроградскую сторону, толпа пошла за ними. Рабочие на ходу выстраивались в колонны...

...Когда они подошли к дому Кшесинской, там шёл митинг, толпа плотно обступила дворец, кто-то из комитетчиков держал речь с балкона второго этажа.

В дверях стояли часовые, проверили мандат Раскольникова...

Поднялись на второй этаж. В большой комнате было тесно, собрались все видные работники питерской организации и Центрального комитета партии. В разных концах комнаты оживлённо переговаривались, слышался смех, но центром собрания, незримым, однако ясно ощутимым, было то место комнаты, неподалёку от приоткрытой балконной двери, где сидел на стуле Ленин со стаканом чая в руках. Вид у него был довольный, хотя и утомлённый. Он разговаривал с Каменевым и одновременно прислушивался к речам выступавших с балкона перед демонстрантами, – время от времени кто-то из находившихся в комнате выходил на балкон, сменяя очередного оратора. Иногда с улицы доносились аплодисменты, крики «ура!», заключавшие речи ораторов. В группе крон-

штадтских комитетчиков увидел Раскольников брата – кронштадтцы и брат стояли за стульями Ленина и Каменева...

Ленинская гвардия

С улицы стали слышны крики: «Ленина!» Толпа требовала его выступления. Ленин был не прочь выйти к толпе, стал искать, куда поставить пустой стакан. Каменев, чтобы завершить беседу, встал, громко сказал, обращаясь к Ленину и ко всем присутствующим:

– Владимир Ильич, товарищи! Думаю, я выражу общее настроение, если скажу о значении нашей сегодняшней

встречи с товарищем Лениным так. Мы можем быть согласны или не согласны со взглядами товарища Ленина, можем расходиться с ним в оценке того или иного положения, но безусловно одно: в лице товарища Ленина вернулся в Россию признанный вождь нашей партии и с ним вместе мы пойдём вперёд, навстречу социализму.

Все, кто находился в комнате, с одушевлением отозвались на слова Каменева и аплодировали всё время, пока Ленин шёл к балконной двери...»

Практически сразу же после возвращения Владимира Ильича из-за границы в Россию Фёдор Раскольников находился на его стороне, а рождённый им в эти дни афоризм ещё долго был в советской истории крылатым. «Кратчайшая линия от февраля к Октябрю – есть Ленинская прямая», – произнёс как-то Фёдор Фёдорович после прослушания одной из речей Ильича, и эта его фраза легла на сердце каждому, кто принял революцию в России.

Глава вторая

С мандатом Ленина

16 мая случилось непредвиденное – Кронштадтский Совет по предложению фракции беспартийных вынес резолюцию о том, что должность назначенного Временным правительством комиссара отныне упраздняется и Совет берёт всю полноту власти в свои руки. Большевистская фракция (правда, в отсутствие Раскольников и его друга Рошаля) тоже голосовала за это предложение, вызвавшее бурное ликование кронштадтцев. Но совсем иную реакцию это постановление вызвало в правительственных кругах, у руководителей соглашательских партий. Буквально на следующий день на страницах буржуазных и эсеров-меньшевистских газет появились сенсационные сообщения об «отделении Кронштадта от России» и о «воцарившейся там анархии».

Позже Раскольников в своей книге «Кронштадт и Питер в 1917 году» писал об этом: «18 мая, к нам совершенно неожиданно приехал член ЦК партии большевиков молодой рабочий Григорий Фёдоров. Посещение цекистов было для нас вообще большим событием. В данном же случае прибытие Фёдорова без предварительного извещения являлось совершенно необычным.

– Что у вас тут произошло? В чём дело? Что означает со-

здание Кронштадтской республики?.. ЦК не понимает и не одобряет вашей политики. Вам обоим придётся поехать в Питер для объяснения с Ильичом, – объявил Фёдоров мне и С. Рошалю.

Посоветовавшись, мы пришли к выводу, что Семёну Рошалю необходимо остаться в Кронштадте, а в Питер поеду я.

Быстроходный катер доставил меня вместе с Г. Федоровым к Николаевской набережной, и через некоторое время мы уже стучались в дверь редакционного кабинета «Правды», помещавшейся тогда на Мойке.

– Войдите, – послышался хорошо знакомый отчётливый голос Ильича.

Мы отворили дверь. В. И. Ленин сидел, вплотную прижавшись к письменному столу и низко наклонив над бумагой голову. Нервным почерком бегло писал очередную статью для «Правды».

Закончив писать, он положил ручку в сторону и бросил на меня сумрачный взгляд исподлобья.

– Что вы там такое наделали? Разве можно совершать такие поступки, не посоветовавшись с Цека? Это нарушение элементарной партийной дисциплины. Вот за такие вещи мы будем расстреливать...

Я начал с объяснения, что резолюция о переходе власти в руки Кронштадтского Совета была принята по инициативе беспартийных.

– Так нужно было их высмеять, – перебил меня Ленин. –

Нужно было им доказать, что декларирование Советской власти в одном Кронштадте, сепаратно от всей остальной России, это утопия, это явный абсурд.

Я указал, что в момент решения данного вопроса руководителей большевистской фракции не было в Совете. Потом детально описал Ильичу, что, по существу, в Кронштадте положение всё время было таково, что всей полнотой власти обладал местный Совет, а представитель Временного правительства, комиссар Пепеляев, не играл абсолютно никакой роли. Таким образом, решение Кронштадтского Совета только оформляло и закрепляло реально создавшееся положение.

– Мне всё-таки непонятно, зачем понадобилось подчёркивать это положение и устранять безвредного Пепеляева, по существу служившего вам хорошей ширмой? – спросил Владимир Ильич.

Я уверил товарища Ленина, что в наши цели не входит образование независимой Кронштадтской республики и наши намерения не идут дальше избрания Кронштадтским Советом правительственного комиссара из своей собственной среды.

– Если мы вообще выдвигаем принцип выборности чиновников, – говорил я, – то почему нам частично, когда это возможно, не начать делать сейчас? Конечно, выборный комиссар не может быть большевиком, так как ему до известной степени придётся проводить политику Временного пра-

вительства. Но почему не может быть выборного комиссара вообще? Всегда найдётся честный беспартийный, который мог бы выполнить такую роль. Почему мы, большевики, должны бороться против принципа выборности комиссара, если того желает большинство Кронштадтского Совета?

Мои объяснения, видимо, несколько успокоили Ильича. Его выразительное лицо мало-помалу смягчалось.

– Наиболее серьёзная опасность заключается в том, что теперь Временное правительство будет стараться поставить вас на колени, – после короткого раздумья медленно и выразительно произнёс Владимир Ильич.

Я обещал, что мы приложим все усилия, дабы не доставить триумфа Временному правительству, не стать перед ним на колени.

– Ну хорошо, вот вам бумага, немедленно пишите заметку в несколько строк о ходе последних кронштадтских событий, – примирительным тоном предложил мне Ильич.

Я тут же уселся и написал две страницы. Владимир Ильич сам внимательно просмотрел заметку, внёс туда несколько исправлений и отложил её для сдачи в набор.

На прощание, пожимая мне руку, он попросил передать кронштадтским товарищам, чтобы в следующий раз они не принимали столь ответственных решений без ведома и предварительного согласия ЦК. Разумеется, я с готовностью обещал дорогому вождю строжайшее соблюдение партийной дисциплины. Владимир Ильич обязал меня ежедневно зво-

нить по телефону из Кронштадта в редакцию «Правды», вызывать к аппарату его самого и докладывать ему важнейшие факты кронштадтской политической жизни.

С облегчённым сердцем я возвращался в Кронштадт. Было приятно, что Ильич в конце концов примирился с резолюцией Кронштадтского Совета, хотя и опасался, что Временное правительство заставит нас капитулировать, что мы будем вынуждены с позором взять свою резолюцию назад. Любопытно, что товарищ Ленин совсем не настаивал на отказе от резолюции. Он не хотел нашего отступления...»

Вскоре после этого инцидента Раскольников, с согласия Ленина, возглавил делегацию кронштадтцев, которая побывала в Выборге, Гельсингфорсе, Або и Ревеле. Выступая на городских площадях, на заседаниях Советов, на кораблях и в казармах, он рассказывал правду о Кронштадте, призывая моряков к защите революционных завоеваний. Эта поездка сыграла немалую роль в большевизации Балтфлота и ближайших к Петрограду гарнизонов.

* * *

Впервые особенно громко имя Фёдора Раскольникова прозвучало летом 1917 года, когда 4 июля он вывел на улицы 10 тысяч кронштадтских моряков с оружием в руках. Первыми эту акцию затеяли анархисты, а большевикам пришлось присоединиться к ней и её возглавить, поскольку нельзя бы-

ло остаться в стороне, чтобы не потерять поддержку радикальных масс. Неразберихи в партии тогда хватало, даже единомышленники противоречили друг другу. Зиновьев призывал немедленно взять власть в свои руки, а Каменев звонил Раскольникову, требуя срочно остановить моряков. Если верить воспоминаниям, Фёдор ему тогда ответил: «Кто сдержит катящуюся с вершин Альп лавину?..» Это действительно было похоже собой на правду, так как столь «высокий штиль» тогда был типичен для высказываний именно Раскольникова.

В свою очередь комиссары Балтийского флота Сакс и Флеровский телеграммой докладывали Троцкому: «Считаем необходимым доложить, что даже в наиболее надёжных командах проявляется резкое недовольство частью первоначального состава Морской коллегии, чрезвычайно непопулярны Раскольников и Вахрамеев. Эта непопулярность даёт великолепную возможность демагогам вести нить против Советской власти, прикрываясь тем, что они выступают лишь якобы против отдельных лиц».

Комиссары однозначно дают понять Троцкому, что «чрезвычайно непопулярного» Раскольникова надо убирать подальше от флота, и чем скорее, тем лучше и для флота, и для революции. Но Троцкому плевать на непопулярность своего любимца, главное, что Раскольников предан лично ему, а всё остальное для Троцкого неважно!

Из воспоминаний эмигранта контр-адмирала Дмитрия

Вердеревского. «Раскольниковы офицеры не любили, если не сказать больше. Он платил им тем же. Сбежав от прямых мичманских дел, выступил одним из организаторов беспорядков, названных потом восстанием. Многие офицеры были убиты без какого-либо суда...»

Сам Раскольников в своей нашумевшей в своё время книге «Кронштадт и Питер в 1917 году» писал, оправдываясь: «Происходил отнюдь не поголовный офицерский погром, а лишь репрессии по отношению к отдельным лицам». При этом позднее документами было подтверждено, что на Балтийском флоте было убито тогда более 120 офицеров и чиновников, арестовано, избито и искалечено ещё свыше шести сотен. По Раскольникову – это всего только «отдельные лица». Что и говорить, «революционный топор» был в надёжных руках.

Хотя и эти цифры тоже являются приблизительными и, скорее всего, далеко не полными.

22 июля 1917 года в «Известиях» Петроградского Совета была опубликована информация Прокурора Петроградской Судебной Палаты о событиях 3 июля, которая послужила основанием для привлечения к судебному следствию В. И. Ленина и других. В ней сообщалось следующее:

«3 июля из Петрограда в Кронштадт прибыл мичман Ильин, именующий себя Раскольниковым, с некоторыми делегатами от пулемётного полка и выступил на митинге на Якорной площади, призывая к вооружённому выступлению

в Петроград для низвержения Временного правительства и передачи всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов. В тот же вечер исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов города Кронштадта собрался под председательством Раскольников, который вынес резолюцию собраться в 6 часов утра всем войсковым частям на Якорной площади с оружием в руках, а затем отправиться в Петроград и совместно с войсками Петроградского гарнизона провести вооружённую демонстрацию под лозунгами: «Вся власть в руки Советам рабочих и солдатских депутатов».

Постановление это за подписью Раскольников в ту же ночь от имени начальника всех морских частей города Кронштадта было разослано во все сухопутные и морские части города. По данному гудком сигналу солдаты, матросы, рабочие, вооружённые винтовками, 4 июля на утро стали собираться на Якорной площади, где на трибуне были произнесены Раскольниковым и Рошалем речи с призывом к вооружённому выступлению. Здесь же были розданы собравшимся патроны.

Руководителями этого выступления были Раскольников и Рошаль. Отряды матросов под их командованием занимали ключевые позиции в городе. Раскольников неоднократно приказывал открывать огонь по жилым зданиям, задерживать и расстреливать сторонников Временного правительства.

Число участвовавших в выступлении было около 5 тысяч человек. Высадившись около 11 часов у Николаевского моста, все они выстроились в колонну и под руководством тех же лиц двинулись к дому Кшесинской. Там скоро на балконе появились сначала Луначарский, а затем Ленин, которые приветствовали кронштадтцев как «красу и гордость революции», призывали отправиться к Таврическому дворцу и требовать свержения министров-капиталистов и передачи всей власти Совету рабочих и солдатских депутатов, причём Ленин сказал, что, в случае отказа от этого, следует ждать распоряжений от Центрального Комитета.

Во время произнесения Лениным речи один из кронштадтцев крикнул ему: «Довольно, товарищ, кормить нас одними только словами, ведите нас туда и затем, зачем нас позвали». После чего было отдано приказание идти к Таврическому дворцу по маршруту, указанному Раскольниковым и Рошале. По пути на Литейном проспекте была открыта перестрелка, продолжавшаяся около часа и повлекшая за собой многочисленные жертвы. Эти части подошли к Таврическому дворцу возбуждёнными и пытались произвести арест некоторых из министров, принимавших в то время участие в заседании в Таврическом дворце, и (Исполнительного) Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов...

Все руководящие указания исходили из дома Кшесинской, называемого свидетелями домом Ленина, где и помещался Центральный Комитет».

О том, что обстановка в те дни в Петрограде была напряжённой, говорит телеграмма, которую Морской генеральный штаб послал находящемуся в Ставке Керенскому:

«Четвертого июля вооружённые кронштадтские матросы и солдаты в числе около семи тысяч с Рошалем и Раскольниковым высадились в 11 часов в Петрограде и вместе с некоторыми частями гарнизона произвели вооружённую демонстрацию, окончившуюся мелкими столкновениями... Сегодня разведены мосты, дом Кшесинской изолирован».

По распоряжению Временного правительства командующий военным округом отдал приказ, в котором предписывалось «очистить Петроград от вооружённых людей, нарушающих порядок».

На другой день было отдано распоряжение об аресте Владимира Ильича Ленина. Вождь революции, партия большевиков ушли в подполье.

Раскольников вернулся в Кронштадт. Он много пишет. «Голос правды» рассказывал всем о происходящих в стране событиях. Редакция получала статьи из Петрограда. Кронштадтская газета временно заменила собой «Правду», чуть ли не весь её тираж сразу же из типографии на пароходах доставлялся в Петроград.

В ночь на 13 июля мичман Раскольников был арестован и посажен в «Кресты».

Там же за тюремной решёткой вскоре появился и его друг

Семён Рошаль, следом привезли Павла Дыбенко и Владимира Антонов-Овсеенко, а чуть позже в тех же «Крестах» оказался и Лев Троцкий. Их дело было приобщено к общему процессу готовящегося, но не свершившегося суда над Лениным.

Троцкий, 1916

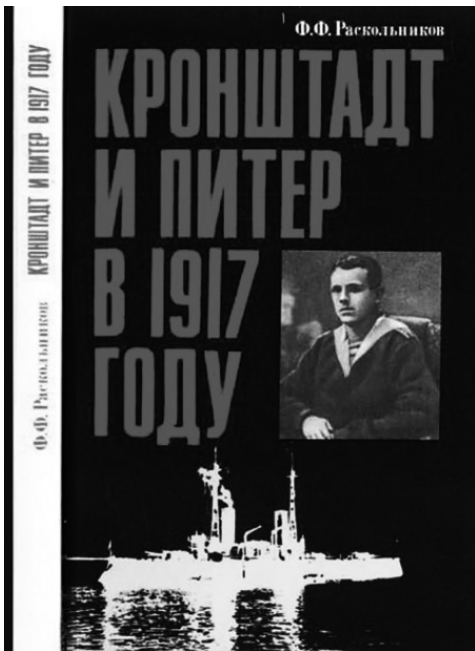
Постоянно общаясь с Львом Давидовичем в тюрьме, Раскольников с этой поры станет его горячим поклонником, что будет стоять ему впоследствии карьеры, а в конечном счёте – и жизни. Но пока что эта неожиданно возникшая с ним дружба откроет для Фёдора широкие двери в революцию,

сделав его одним из весьма самых значимых фигур в иерархии новой власти в России.

В «Крестах» же пока шли допросы...

Позже Фёдор Фёдорович Раскольников в своей книге «Кронштадт и Питер в 1917 году» так опишет происходившие в те дни в заключении события:

«В особой комнате, рядом с кабинетом начальника тюрьмы, меня ожидал следователь морского суда Соколов в блестящем форменном кителе. Подавая мне лист бумаги, он с преувеличенной корректностью, невольно напомнившей мне царских жандармов, предложил заполнить показаниями официальный бланк.

Кронштадт и Питер в 1917 году

Когда я закончил изложение своей роли в июльских событиях, морской следователь многозначительно информировал меня, что, по старым законам, так же как по новому положению, введённому на фронте, за вменяемые мне преступления полагается смертная казнь.

– Закон обратной силы не имеет, – возразил я.

В самом деле, в момент демонстрации смертная казнь формально ещё не была введена, к тому же моя деятельность

протекала в Кронштадте и в Питере, а никак не на фронте. Но следовательно недоумённо развёл руками. Я догадался, что понятие «фронт», очевидно, допускает самое широкое толкование. Элементарные юридические формулировки, вроде «обратная сила закона», существуют лишь в мирное время, а в эпоху революции отпадают сами собой. Мне стало понятно, что в рядах опьянённого победой и жадой мести Временного правительства существует немало сторонников самой жестокой расправы с большевиками.

В начале моего тюремного сидения я был подвергнут строжайшему одиночному заключению: дверь моей камеры была постоянно закрыта и даже на прогулку «по кругу» меня выводили отдельно, тогда как другие товарищи, сидевшие в одиночках, имели общую прогулку, во время которой устраивались небольшие импровизированные митинги.

В двадцатых числах июля в «Кресты» привезли тов. Троцкого...»

Писатель Владимир Савченко в своей книге «Отступник» так описывает эти памятные дни в тюрьме Керенского:

«В конце июля во время прогулки, только вышли во дворик, кто-то из вышедших следом за Раскольниковым товарищей громко сообщил:

– Троцкий в «Крестах»!

Оказалось, Троцкого привезли рано утром, поместили в их же корпусе в первой камере от входной двери. Возвращаясь с прогулки, Раскольников подошёл к его камере.

– Фёдор Фёдорович! – обрадовался ему Троцкий. – Я о вас думал! Знаете ли вы, милостивый государь, что попал я сюда из-за вас? Не пугайтесь, вашей вины в этом нет никакой. На днях пришла ко мне ваша матушка, пригласила защищать вас в суде, я, разумеется, согласился. Позвонил в министерство юстиции. Оттуда ответили, что препятствий никаких, и записали мой адрес. А ночью ко мне на квартиру явилась милиция...

Голос у Троцкого был добродушный, говорил он, посмеиваясь, подтрунивая над своей незадачливостью. Но Раскольников был смущён. Говорить через запертую дверь было неудобно. Раскольников сказал, что постарается устроить более комфортное свидание.

Устроил. Вечером после ужина, когда тюрьма засыпала, надзиратель впустил его в камеру Троцкого, запер за ним дверь.

Троцкий ждал его. Они обнялись, сели рядышком на койку.

Заговорили о положении партии, Троцкий подтвердил общий бодрый вывод большевистских газет о том, что партия не разгромлена, настроение у людей боевое, события 3–5 июля рассматриваются, как урок, из которого следует извлечь положительные выводы. И они извлекаются.

От него Раскольников узнал об открывшемся в Петрограде, вполне легально, шестом съезде партии. На съезде обсуждалась резолюция Ленина об изменении тактики партии.

Сам Ленин на съезде не присутствовал, скрывался. В своей резолюции он предлагал снять лозунг «Вся власть Советам». Поскольку о мирном развитии революции через постепенное завоевание

Советов уже не могло быть и речи, партия должна, доказывал Ленин, перейти к непосредственной борьбе за власть, взять курс на немедленное вооружённое восстание. И съезд эту резолюцию принял.

– Вот положительный вывод, который партия извлекла из уроков третьего-пятого июля, – с удовлетворением сказал Троцкий. – В те дни был удобный момент для захвата власти. Но мы не были готовы к нему.

– Вы считаете, надо было тогда брать власть?

– Почему вас удивляет такая постановка вопроса? Разве вы думали не о том же, когда стягивали войска к дому Кшесинской?

– Лев Давыдович, мне многое непонятно в том, что тогда происходило. Войска к дому Кшесинской я стягивал пятого числа утром. А четвёртого числа днём я, как и вы, пытался охладить революционный порыв кронштадтцев. Помните, как вы освобождали Чернова? Призывали моряков воздерживаться от насильственных действий?

– Это было ошибкой. Меня тогда же поправил Ильич.

– Почему же нам, кронштадтцам, ничего не было сказано об изменении тактики? Я пришёл к Ленину за указаниями, а он накинулся на меня чуть не с кулаками. Кричал, что меня

расстрелять мало.

Троцкий рассмеялся.

– Не обижайтесь. Ильич гневался не на вас лично. Вы олицетворяли для него в тот момент умеренные силы партии и саму массу, не способную, как оказалось, к самостоятельному революционному творчеству. Для него было чувствительным ударом осознать это. Говорю вам это вполне ответственно, мы с ним в те дни имели случай обсудить этот момент. У него было иное представление о творческом потенциале масс. Власть валялась на земле, и не поднять её! С ума можно было сойти. Наверное, мы все тогда немного пошатнулись в уме. Правда, он раньше всех понял: надо брать власть. Четвёртого числа был самый подходящий для этого момент. Но дело было пущено на самотёк. Когда он осознал, что само собой ничего не произойдёт, массы надо направлять железной рукой, было поздно что-либо предпринимать, под рукой уже не было ни ваших кронштадтцев, которых вы увели в казармы, ни солдат, никого. Тогда и решено было прекратить демонстрацию. Это было в ночь с четвёртого на пятое. Ваши, Фёдор Фёдорович, судорожные действия пятого числа были чистым недоразумением. К тому времени юнкера уже разгромили «Правду» и к Питеру приближались верные правительству части. Но ничего. Всё поправимо. Время работает на нас...»

Заключение в «Крестах» по-прежнему тянулось медлен-

но, но что-то в воздухе постепенно менялось, и в тюрьме чувствовались какие-то незримые перемены. Вскоре был отменён режим одиночного заключения, двери всех камер вдруг распахнулись и их теперь запирали только на ночь. С введением «режима открытых дверей» тюрьма превратилась в гуляющий с утра до позднего вечера политический клуб.

Раскольников встречался с Троцким теперь каждый день, обычно в его камере. Троцкий редко покидал её, так как он с утра до вечера просиживал за столом, строча фельетоны для партийных газет, а также много читал. Раскольников бывал у него по вечерам, в сумеречное время, когда работать было уже невозможно, а электричество в тюрьме ещё не зажигалось. В эти часы они обменивались новостями, почерпнутыми из газет и переписки.

С воли им сообщали, что стали стремительно расти цены на продукты питания, в сентябре газеты написали, что они подскочили более чем на триста процентов, тогда как рост зарплаты рабочих не поспевал за ними, и на некоторых предприятиях она была вообще заморожена. С каждым месяцем всё длиннее становились очереди за хлебом и другими продуктами, выдававшимися по карточкам. Исчезли из продажи керосин, свечи. Рабочие начали бастовать. В сентябре на несколько дней остановились все железные дороги страны, бастовавшие железнодорожники требовали повышения зарплаты...

В своей книге «Кронштадт и Питер в 1917 году» Фёдор

Раскольников писал, рассказывая о времени проведения в петроградской тюрьме «Кресты»:

«...Нам в тюрьму прислали цветы, и Семён до вечера ломал голову, теряясь в романтических догадках. А на следующий день меня и Рошалья вызвали в кабинет смотрителя тюрьмы, где нас ожидала девушка, представительница какой-то организации вроде политического Красного Креста. Отрекомендовавшись анархисткой Екатериной Смирновой, она передала нам целую гору чёрного хлеба и сообщила, что ещё вчера добивалась свидания, но не получила пропуска. Тайна загадочного букета раскрылась сама собой.

Один из первых вопросов, которыми засыпала нас Смирнова, касался снабжения:

– Не хотите ли вы апельсинов? Я могу вам принести.

– Отчего же? – ответили мы. – В тюремной обстановке всякое даяние – благо.

– Но у меня апельсины особенные, – загадочно произнесла Смирнова, взглянув на меня своими светлыми, почти бесцветными глазами.

Не оставалось сомнений, что речь идёт о бомбах. Но так как мы к побегу не готовились, то в чёрных «апельсинах», конечно, не нуждались. Пришлось поблагодарить и отказаться от любезно предложенных «фруктов». Смирнова искренне огорчилась. В её глазах это предложение было так естественно, а отказ – непонятен...»

В сентябре большевики впервые получили большинство в Петроградском и Московском Советах. Это немедленно сказалось на судьбе заключённых большевиков.

Первым вышел из «Крестов» Лев Троцкий.

«Перед тем как оставить тюрьму, он зашёл к Раскольникову в его камеру, – писал в своём «Отступнике» Савченко. – Был он в своём заграничном просторном плаще, фетровой шляпе, в крепких туристских ботинках со шнуровкой и на высоких каблуках. В одной руке зонтик, в другой – узел с вещами.

– Пришёл попрощаться, – заговорил он торопливо, снимая, протирая пенсне. – Представьте, выхожу. По решению Петроградского Совета. Первое, что сделаю, постараюсь и ваше пребывание здесь сократить. Если не удастся вовсе прекратить ваше дело, то уж под залог или, как там, выцарапаем вас отсюда, не сомневайтесь. Ну, не скучайте. Готовьтесь. Набирайтесь сил, скоро они ох как понадобятся.

Они обнялись. Раскольников проводил Троцкого до выхода из корпуса. Они снова обнялись, и Раскольников вернулся в камеру».

2 октября судебные власти повторили попытку ознакомить Рошала и Раскольникова с материалами предварительного следствия. Но эта попытка окончилась так же неудачно, как первая, и вынудила Фёдора Фёдоровича апеллировать к

общественному мнению рабочего класса следующим письмом, которое он написал в своей камере в тот же день. Написанный им текст впоследствии вошёл в книгу «Кронштадт и Питер в 1917 году», став там подглавкой «Допросы возобновляются», входящей в VIII главу под названием «В тюрьме Керенского». Он в ней писал:

«Дорогие товарищи <...>, судебный следователь, работающий под руководством Александра, сделал вторичную попытку ознакомить меня и товарища Рошалья с законченным следственным материалом по «делу» большевиков. Материалом, занимающим, шутка сказать, 21 том!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.